

версией — Петр Иванович и Иван Петрович (роман в 9-ти письмах); даже в «Идиоте» прием звуковых повторов: Александра, Аделаида, Аг-лая».

Поистине, так любых писателей «скрестить» можно. Но зато следует вывод: «Достоевский пользуется приемами Гоголя, но сами по себе они для него не обязательны. Это объясняет нам пародирование Гоголя у Достоевского: стилизация, проведенная с определенными заданиями, обращается в пародию, когда этих заданий нет».

Удивительные приемы! Поистине: мое дело сказать, а там уж как хотите — сами разбирайтесь.

«Достоевский настойчиво вводит литературу в свои произведения; редко действующие лица не говорят о литературе. Здесь, конечно, очень удобный пародический прием: достаточно определенному действующему лицу высказать литературное мнение, чтобы оно приняло окраску его мнения; если лицо комическое, то и мнение будет комическое».

И вот так открытие за открытием. Подобные теоретизирования можно творить по легкой прихоти. Однако у Тынянова на этот счет имеется установка. «Стилизация — пародия. От стилизации до пародии один шаг...».

Влияние Гоголя на Достоевского было велико, особенно в языке и особенно в начальном периоде творчества. И именно из языкового нагромождения и создается завал; и когда уже разум готов возмутиться, Тынянов в конце работы приводит пример, действительно близкий к пародированию, — это когда Фома кричит: «О, не ставьте мне монумента!.. Не надо мне монументов!» И уже готов вздох: да, есть пародия...

Но это по Тынянову, если же читать Достоевского, то сомнений и не возникает: ни образ Опискина, ни повесть в целом не являются пародийными. Использован мощный, работающий на характеры героев живой материал. Ведь если Гоголь писал завещание, то писал-то он его не потешненьким, но в состоянии обреченности, даже

не предчувствуя смерть, а одолевая ее... И Фома далеко не дурак — подпольная личность, по Лотману, родственная Грановскому. Так что хотя и болезненные, но живые проявления гениального Гоголя делают свое дело, как и живые мысли из статей-писем Гоголя, якобы звучащие в переложении Фомы. Использование «Выбранных мест...» как материала, возможно, и позволяет толковать о пародировании. И все-таки пародирования здесь не больше, чем в «Крокодиле», — в том пассаже тотчас усмотрели пародию на Чернышевского, пародию злую. Помните, Крокодил проглотил человека — и человек этот, мирно устроившись в чреве, начал оттуда вещать. Чернышевский же незадолго до публикации был сослан в Сибирь. Стараниями демократов появился фельетон. Достоевский ответил на обвинение статьей в «Дневнике писателя». В частности, он писал:

«Значит, предположили, что я, сам бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылке другого несчастного; мало того — написал на этот случай радостный пашквиль. Но где же тут доказательства; в аллегории? (Читай: в пародии. — Б.Б.) Но принесите мне что хотите: “Записки сумасшедшего”, оду “Бог”, “Юрия Милославского”, стихи Фета — что хотите — и я берусь вам вывести тотчас из первых десяти строк, вами указанных, что тут именно аллегория о француско-прусской войне или пашквиль на актера Горбунова... Пусть лучшие представят хоть что-нибудь из всей моей жизни для доказательства, что я похож на злого, бессердечного пашквильянта и что от меня можно ожидать таких аллегорий... (А ведь тогда уже было опубликовано «Село Степанчиково», могли бы и указать. — Б.Б.) Именно поспешность и торопливость подобных бездоказательных выводов и свидетельствуют, напротив, о некоторой изменности духа самих обвинителей, о грубости и негуманности взгляда их».

Думается, не менее резкий последовал бы ответ и Тынянову, слу-